

Хуа Чжао была прекрасно знакома с этой вещицей. Это был парный кулон «Рыбы Единосердия» — предмет, который ученики секты начинали использовать, лишь когда сходились, а то и вовсе становились даосскими спутниками.

Стоило влить в него духовную силу, как можно было напрямую разговаривать с партнером, начертать на поверхности слова или даже талисманы. Чем дальше находились владельцы друг от друга, тем больше духовной силы требовалось для активации.

Это была своего рода эксклюзивная версия нефрита связи, позволявшая общаться дольше и на куда больших расстояниях, чем обычные жетоны, выдаваемые всем ученикам.

Хуа Чжао приняла подарок, и на душе стало как-то странно. В прошлой жизни она получала такой же, но от Се Фу.

Она подумала, что Ши Ушэ отдает ей кулон, потому что собирается уходить, но даже когда нефрит в её ладони нагрелся от тепла рук, он не сдвинулся с места. Он продолжал смотреть на Хуа Чжао так пристально, словно хотел разглядеть в ней нечто скрытое от глаз.

В этот момент Хуа Чжао уже не чувствовала неловкости. Хищный, жадный взгляд Ши Ушэ исчез — теперь он смотрел на неё совершенно обычным, почти нежным взглядом.

Хуа Чжао подняла голову и спросила:

— Те двое из Зала Правосудия не устанавливали время, к которому ты должен прибыть на Пик Раскаяния?

— Пора идти, — ответил он. — Когда нефрит связи засветится, не забудь влить в него силу.

— Хорошо, — отозвалась Хуа Чжао, чувствуя любопытство. Ши Ушэ, который даже в лицо собеседнику не любил лишнего говорить, что же он собирается ей транслировать через этот кулон?

— Как только я закончу отбывать наказание, мы станем даосскими спутниками, — добавил Ши Ушэ.

Хуа Чжао:

— ...А.

Ши Ушэ протянул руку и отвел с её лица прядь волос. Ощущение было легким и щекочущим, и Хуа Чжао невольно отпрянула.

Внезапно Ши Ушэ обхватил её лицо ладонями, шагнул вперед и, не колеблясь, прильнул

губами к её губам.

Хуа Чжао издала короткий звук, отступая, и навалилась на полку с антиквариатом. Полка качнулась, стоящая на ней банка с леденцами опасно накренилась, но Ши Ушэ успел подхватить её и поставить на место.

Он притянул Хуа Чжао к себе, заключив в объятия, и поцеловал её глубоко и страстно.

Этот поцелуй был подобен налетевшему шторму или дикому зверю, ворвавшемуся в тихую обитель. Хуа Чжао прогнулась в пояснице, словно натянутый лук, и лишь когда Ши Ушэ наконец отстранился, слегка нахмурившись, он пробормотал:

— Спина болит.

У Хуа Чжао онемели губы, она прислонилась к груди Ши Ушэ, пытаясь выровнять дыхание.

Прошло немало времени, прежде чем Ши Ушэ, поглаживая её по длинным волосам, дождался, пока их дыхание придет в норму, и только тогда отпустил её.

Больше никаких нежностей не последовало: он решительно развернулся и вышел.

Хуа Чжао опомнилась и хотела проводить его, но его и след простыл.

После ухода Ши Ушэ Хуа Чжао тут же повалилась на кровать и уснула. Начались дни, полные безмятежного блаженства.

Днем, как только выдавалась свободная минутка, она пропадала во внутреннем дворе Двора Фэйлю, в теплом источнике, напоминающем сказочные пруды Яочи, которые обустроил Хуа Лянмин. Она жевала леденцы, ела охлажденные фрукты, а иногда выуживала из тайников отца бутылочку хорошего вина.

Часто она засиживалась на мягкой кушетке у источника до глубокой ночи, а потом, прихватив Хэйцю, плелась в спальню. На следующий день она преспокойно спала до самого обеда.

Ши Ушэ сказал, что старейшина Хунбо уже вызвал Хуа Лянмина обратно. Хуа Чжао переспросила, и старейшина на её глазах отправил духовную птицу с требованием поторопиться. Хуа Чжао окончательно успокоилась.

Несколько дней подряд она никуда не выходила, просто ела и спала во Дворе Фэйлю. Кроме ежедневного сеанса связи по нефриту, чтобы Ши Ушэ мог слышать её голос, Хуа Чжао не занималась ничем серьезным.

Впервые она ощутила, как сладостно ничего не делать. Она обнимала Хэйцю, целыми днями ходила с распущенными волосами, в небрежно накинутой одежде, даже обувь толком не надевала. Читала книжки, подшучивала над служанками — жизнь текла легко и беззаботно.

Хуа Чжао вдруг поняла, почему её отец в прошлой жизни выбрал путь вольной жизни. Если к этому добавить еще пару чарок доброго вина — разве это не рай на земле? Это же самая настоящая обитель бессмертных!

Одновременно с этим её все сильнее грызло чувство вины: с чего это она заставила родного отца скитаться по свету, вместо того чтобы наслаждаться покоем дома?

Хуа Чжао не выходила из дома десять дней, пропустив все занятия для учеников.

Как говорится, мастер вводит в храм, а совершенствуется каждый сам. Старейшины, преподававшие различные техники, вовсе не следили за тем, кто из учеников присутствует на лекциях.

Путь самосовершенствования подобен движению против течения: если не идешь вперед, тебя сносит назад. Ученики были как на подбор прилежными, боясь, что если уровень их развития упадет, их вышвырнут во Внешнюю секту. В конце концов, все они пришли на эту священную гору в погоне за Великим Дао и бессмертием, ну или хотя бы ради того, чтобы стать сильнее и добиться успеха.

Кто станет притворяться больным и лениться?

Хуа Чжао — станет.

Время в горах течет незаметно, и вот уже прошло полмесяца, а никто так и не заметил, что Хуа Чжао не тренируется и не посещает занятия.

Никто, кроме Се Фу. Он до сих пор не мог забыть тот разговор, который так и не удалось довести до конца в ту ночь. Он не соглашался на разрыв и совершенно не верил, что Хуа Чжао переметнулась к Ши Ушэ.

А после того, как в тот день Хуа Чжао наговорила ему всякой чепухи о том, что больше не будет совершенствоваться, он несколько дней наблюдал за ней и ни разу не увидел её на занятиях.

Наконец Се Фу не выдержал. Совершив утренний ритуал, он отправился во Двор Фэйлю искать Хуа Чжао.

Но попасть внутрь не смог: у него не было магического пропуска, а когда он попросил передать весть, Хуа Чжао отказалась его видеть.

Лишь куцая черная лиса скалилась на него из-за магического массива.

Се Фу был в ярости, доходившей до смеха.

Они не договорили, его лиса тогда расцарапала ему лицо — и она думает, что всё закончилось, просто сбежав?

Се Фу никогда не сдавался.

За месяц он приходил к ней трижды, и трижды Хуа Чжао отказывалась с ним встретиться.

Се Фу не спешил, он решил сменить тактику.

Он был в хороших отношениях с учениками Зала Правосудия, поэтому, когда те отправились на Пик Раскаяния, чтобы передать Ши Ушэ духовные камни и травы для тренировок, Се Фу увязался с ними.

Хотя его уровень был ниже, чем у Ши Ушэ, и тот уже дважды его проучил, Се Фу не боялся его, считая, что у того лишь грубая сила без капли ума.

Разумеется, при учениках Зала Правосудия Се Фу не стал провоцировать Ши Ушэ. Он лишь смотрел на бледного, сидящего в пустой, покрытой инеем пещере Ши Ушэ и, пока стражи проверяли массивы, тихо сказал:

— Чжао-Чжао еще мала, её уровень невысок. Возможно, поначалу она совершила ошибку, увлекшись сильным мужчиной, но... Второй старший брат, ты ведь знаешь, как она относилась ко мне раньше.

— Наши чувства глубоки, я знаю её лучше всех. То, что она испытывает к тебе — не любовь. Ты ведь видел, как она смотрит на того, кого действительно любит?

То, как Хуа Чжао смотрела на Се Фу раньше, видели все. Она не только помогла ему уйти из Внешней секты и стать учеником старейшины Хунбо, но и нынешний уровень развития Се Фу был её заслугой — она бесконечно снабжала его ресурсами и редкими травами.

Это был удар в самое больное место Ши Ушэ.

Ши Ушэ, который до этого сидел неподвижно, принимая Се Фу за забредшую в пещеру дворнягу, открыл глаза. Взгляд его был ледяным.

Се Фу не ожидал, что Ши Ушэ ответит, и не надеялся, что пара фраз посеет раздор. Он просто хотел заронить зерно сомнения.

Часто сомнение подобно снежинке: когда случается лавина, каждая снежинка вносит свой неоценимый вклад.

Ши Ушэ казался строгим и справедливым Мастером Зала Правосудия, но Се Фу был проницателен: он видел, что Ши Ушэ высокомерен и властолюбив. Как он сможет смириться с тем, что чувства Хуа Чжао к нему — лишь ложь?

Однако Се Фу не ожидал, что Ши Ушэ, не сказав ни слова, поднимется и атакует его.

Ученики Зала Правосудия еще не вернулись. Се Фу не боялся сразиться с ним — если тот его покалечит, тем лучше. В глазах Се Фу мелькнуло злорадство: он не прочь использовать себя как приманку. Если Ши Ушэ посмеет ранить его, то не то что через три месяца, он и через три года не выберется с Пика Раскаяния!

Но Ши Ушэ взмахнул кнуто-мечом «Чернохвост». Атака была мощной, как горный поток, но это был не смертельный удар, а захват!

Се Фу выхватил меч для защиты. Хотя его сила уступала, фехтование его было безупречным. В мгновение ока они обменялись сотней ударов, быстрых как молния! Слой льда в пещере разлетался вдребезги от боевой ауры, ледяная крошка сыпалась дождем, звон оружия резал слух. Се Фу не отступил ни на шаг, в какой-то момент даже не уступая противнику!

Но всё же его внутренняя сила была не такой мощной, как у Ши Ушэ. Как раз когда Се Фу задумался, как бы половчее «получить тяжелое ранение», он услышал, что ученики Зала Правосудия возвращаются.

В тот миг, когда Се Фу на секунду отвлекся, «Чернохвост» в руках Ши Ушэ внезапно удлинился, превратившись в черную веревку, и в три счета обвил Се Фу, затягиваясь всё туже.

Меч Се Фу был выбит, и через мгновение он уже лежал на полу, крепко связанный.

Ши Ушэ, стоя на расстоянии, одарил его презрительной усмешкой, затем снял свой плащ, сложил печати и накрыл Се Фу сверху.

Раздался тихий гул. Сработали массив невидимости и заклятие безмолвия.

Вернувшиеся ученики увидели повсюду осколки льда и остаточную боевую ауру. Лица их изменились.

— Мастер! Вы же отбываете наказание, неужели снова подрались с Се Фу?

В этот раз старейшина Зала Правосудия знал о нечистых помыслах Се Фу и отправил его следом именно с тем расчетом, чтобы Ши Ушэ проявил сдержанность. Если он снова начнет

драку с соучеником, то должности Мастера Зала ему не видать, да и Зал Правосудия не станет закрывать на это глаза.

Ши Ушэ ответил:

— Нет.

Он украдкой взглянул на корчащегося на полу Се Фу, который не мог ни пошевелиться, ни издать ни звука, чтобы привлечь внимание учеников. На лице Ши Ушэ внезапно появилась редкая, почти доброжелательная улыбка.

— Он зачем-то продемонстрировал мне свою технику владения мечом, довольно искусную. Вероятно, хотел пригрозить, что вызовет меня на бой, как только я выйду, а потом ушел. Вы не видели его снаружи?

Ученики засомневались, но, торопясь найти Се Фу, вскоре откланялись.

Се Фу лежал на полу, спеленутый как гусеница, не в силах пошевелиться или закричать. Он мог лишь вытягивать шею, как живая черепаха, и сверлить Ши Ушэ ненавидящим взглядом.

Ши Ушэ подошел к нему, некоторое время смотрел сверху вниз, а затем произнес:

— Сегодня ночью младшая сестра придет навестить меня. Не суетись.

Ши Ушэ добавил:

— После этой ночи ты глубоко прочувствуешь, действительно ли она меня любит.

Сказав это, он снова сложил печати, установив перед глазами Се Фу барьер.

Теперь он не мог ни двигаться, ни говорить, ни видеть. Он мог только лежать на полу, как дохлая собака, и слушать шаги удаляющегося Ши Ушэ.

Затем Ши Ушэ замурлыкал под нос какую-то мелодию.

Он вывалил всё содержимое своей сумки для хранения и начал напевать, расстилая постель.

Мелодия была незнакомой. Когда-то давно, внизу, у подножия горы, когда он, отравленный Миазмами Страсти, был на грани потери рассудка, именно эту мелодию он напевал, готовя постель перед тем, как Хуа Чжао его соблазнила.

Закончив, Ши Ушэ сказал в кулон «Рыбы Единосердия»: «Жди, я заберу тебя», — и, прихватив кнут, вышел.

Се Фу начал отчаянно вливать духовную силу, пытаясь разорвать путы, но уровень Ши Ушэ был намного выше, и пробить его барьер было не так-то просто.

Прошло немного времени, и послышались шаги двоих. Се Фу замер. В пещере раздался смеющийся голос Хуа Чжао:

— Второй старший брат, отпусти меня, я сама дойду.

— Второй старший брат, подожди... Мгх, подожди... Мы не можем сначала поговорить? Мы ведь месяц не виделись...

— Вто... Второй старший брат, старший брат, мне холодно, зачем ты развязываешь пояс?

— Старший брат, что ты делаешь?

— Занимаюсь тобой, — ответил Ши Ушэ.

У Се Фу не только глаза, всё тело налилось кровью. Но он не мог разорвать запрет и был вынужден, как дохлая рыба, лежать на полу и пассивно... слушать.

В его сердце бушевало море ненависти. Ему было плевать на то, что у Хуа Чжао были отношения с Ши Ушэ, но это не значило, что он позволит так себя унижать!

Он думал, что хотя Ши Ушэ высокомерен и заносчив, он по крайней мере искренен в своих чувствах к Хуа Чжао. Но Се Фу не ожидал, что Ши Ушэ пойдет на такое, лишь бы унижить его. Как Хуа Чжао может быть с таким человеком?!

Пояс Хуа Чжао был развязан и брошен рядом с каменной кроватью. Звук упавшей пряжки был оглушительным.

Ши Ушэ украдкой взглянул в сторону Се Фу и прищурился.

Одежда Хуа Чжао распахнулась, она испуганно прижала края к груди, но Ши Ушэ уже схватил её за лодыжку и стянул сапог.

Сапог он подбросил высоко вверх, и тот с грохотом упал, создавая преувеличенно громкий шум.

Хуа Чжао, не понимая, что происходит, спросила:

— Второй старший брат, ты ведь здесь отбываешь наказание? Разве так можно?

Ши Ушэ уложил её на мягкую кровать. Хуа Чжао, в сущности, не была против, просто не ожидала, что он будет так нетерпелив.

— Здесь так холодно... — Хуа Чжао не хотелось страдать.

Ши Ушэ, опустившись на одно колено на каменную кровать, услышав это, с довольным смешком ответил:

— Не бойся, скоро станет жарко.

Хуа Чжао посмотрела на его улыбку и удивилась, но Ши Ушэ быстро схватил её за плечи и перевернул.

Хуа Чжао издала короткое «ай», но сопротивляться уже не стала. Она зарылась лицом в мягкое одеяло, подергала ногами и даже почувствовала некое предвкушение.

Лишь прошептала:

— Добрый старший брат, не рви сегодня мою одежду.

— Не порву.

Ши Ушэ наклонился к её уху и прошептал так, что слышать могли только они двое:

— Слышал, ты все эти дни во Дворе Фэйлю ленилась. Старший брат поможет тебе размять кости. Если будет больно — не бойся, кричи сколько хочешь.

Хуа Чжао удивленно переспросила «М?», а в следующую секунду вскрикнула: «А!».

Ши Ушэ схватил её за руку и, не предупредив, резко потянул назад, вливая духовную силу от кончиков пальцев до плеча.

— А-а-а-а!

Хуа Чжао казалось, что рука больше ей не принадлежит. Она понятия не имела, что он творит. Это какая-то новая любовная игра, о которой она не знает? Оглянувшись, она увидела лицо Ши Ушэ: оно было спокойным, глаза улыбались, но в них не было ни капли страсти.

Хуа Чжао была в полном замешательстве. Он же собирался «заниматься ею»? Что это вообще такое?

Но тут он вывернул ей руку, и она, забыв обо всем, вскричала:

— Я совсем не готова! А! Так нельзя, полегче! В такой позе ты мне её сломаешь!

— Не сломаю, — голос Ши Ушэ был низким и спокойным. — Ты совершенствующаяся, доверься своему телу, оно выдержит.

Сказав это, он потянул её вторую руку назад, точно так же прогоняя духовную силу от пальцев к плечу.

Когда обе руки безвольно повисли, Хуа Чжао почувствовала сильную ломоту, но стоило им немного прийти в себя, как стало невероятно легко.

— Стало легче? — спросил Ши Ушэ с невозмутимым лицом, но с насмешливой ноткой в голосе.

Хуа Чжао с облегчением выдохнула и пробормотала:

— Стало...

Затем он схватил её за плечи и начал разминать спину.

Ладони Ши Ушэ были горячими, наполненными духовной силой. Он прошелся по каждому позвонку, по мышцам плеч и шеи, заставляя кости и плоть следовать за его движениями, а духовная энергия проникала прямо в глубину её тела.

Хуа Чжао действительно все эти дни ленилась и почти не двигалась, не прогоняла энергию по меридианам. От такого мощного притока силы извне её внутренние органы будто начали таять от удовольствия.

Сначала она стеснялась, зарываясь лицом в одеяло, но Ши Ушэ сказал:

— Кричи, не сдерживайся. Будешь кричать — я пойму, где тебе приятнее всего.

Хуа Чжао почувствовала, как у неё загорелись уши. Слова звучали как-то непристойно, хотя он всего лишь прочищал её меридианы. Разве можно говорить такое?

Она снова посмотрела на Ши Ушэ: он стоял на коленях, сосредоточенный, с самым серьезным выражением лица, без тени похоти.

Хуа Чжао поспешила выкинуть из головы грязные мысли и, решив не сдерживаться, начала тихонько постанывать.

— Ой-ой, здесь, именно здесь, надави посильнее.

Место, где плечо соединялось с локтем, он промял с таким нажимом, что это было невыразимо приятно!

— Второй старший брат, медленнее, медленнее, ты мне ногу сломаешь!

Ши Ушэ чуть не закинул её ногу ей же на голову, но после того, как он промял мышцы и отпустил её, Хуа Чжао почувствовала, как её тело стало мягким и податливым, все меридианы словно раскрылись. Это было так хорошо!

— М-м-м...

— А-а... А!

— Добрый старший брат, откуда ты знаешь столько приемов? — Хуа Чжао не верила, что такой человек, как Ши Ушэ, мог вот так подробно и нежно разминать кого-то другого. Где он этому научился?

Ши Ушэ ответил:

— Само пришло.

— Тебе нравится такая сила нажатия? Хочешь, чтобы я надавил сильнее?

Хуа Чжао поспешно отказалась:

— Нет-нет, не надо, проткнешь еще!

Ей казалось, что если он надавит хоть чуть сильнее, его пальцы пройдут сквозь её плечи насквозь.

— Хорошо, — медленно произнес Ши Ушэ. — Раз младшей сестре нравится, значит, всё не зря.

Хуа Чжао все еще казалось, что он говорит странные вещи. Он всегда был молчалив, в их переписке через кулон он не произносил ни единого лишнего слова, но требовал, чтобы она была на связи, чтобы он мог её слышать.

Сегодня он был непривычно разговорчив.

Неужели Пик Раскаяния наделяет людей даром красноречия?

Но раз уж он в таком хорошем настроении и так заботится о ней, Хуа Чжао не поскупилась на ласковые слова:

— Второй старший брат, ты такой хороший.

Хуа Чжао постанывала, её голос, переливаясь всеми возможными интонациями, звучал так, что...

В этот момент Се Фу, который не мог ни двигаться, ни видеть, ни говорить, слушал всё это с самого начала. Он отчаянно пытался прорвать запрет.

Он закрыл глаза, лицо его стало цвета пожелтевшей бумаги. Внутри него бушевали потоки духовной энергии, словно стальные лезвия, разрезающие всё на своем пути.

Он лежал на полу, мечтая больше не слышать ни звука, но не мог контролировать то, как эти звуки проникали в его уши, превращаясь в острые клинки, разрывающие его гордость и достоинство в клочья.

Но на самом деле Хуа Чжао не занималась тем, что рисовало воображение Се Фу. Её одежда была расслабленной, но она была полностью одета. Её щеки горели, но не от похоти, а от избытка духовной силы.

Она лежала на одеяле, окруженная мягким свечением, совершенно безмятежная. Ши Ушэ, при полном параде, стоял рядом с кроватью, его руки парили над её телом, направляя духовную силу, заставляя её меридианы работать.

Это было невероятно энергозатратно, но уровень Ши Ушэ позволял ему поддерживать этот процесс долго.

Хуа Чжао казалось, что она купается в теплом источнике — нет, это было в тысячу раз приятнее. Ни один совершенствующийся не стал бы тратить свою драгоценную силу, чтобы вот так прогонять её через всё тело другого человека.

Ши Ушэ всегда знал, как помочь ей расслабиться. Все эти дни они общались, он знал, чем она занималась, и, вероятно, слышал, как она ворчала Хэйцю о том, что её тело затекло от сна. Именно поэтому он так заботливо решил размять ей мышцы и прочистить меридианы.

<http://bllate.org/book/22424/2354340>